

Анатолий Маляров

МАЛЫЙ ДЕКАМЕРОН

ОРДИНАРНЫЙ ОРИК

Марта Мартыновна не отличалась габаритами, отнюдь: узка в талии, с аппетитными грудками, легкая в шагу, миловидная с лица, моложавая... Но невесток ела поедом, за завтраком, обедом и ужином. И в промежутках.

И не возразишь, требования самой высокой пробы: артистичные, защищенные классической литературой и пособиями по обустройству молодой семьи, нормами этики, эстетики и молвы. А побудительные мотивы — освященная верой и обычаями любовь к единственному сыну Оресту, Орику!

Родился он, когда отец его лежал под саваном — исключительное потрясение: возникновение жизни и конец ее. Каким же сверх обычным обязан стать этот комочек плоти, чтобы оправдать трагедию!

Успешная актриса оставила театр: нескончаемые гастроли, низкую оплату, аморалку.

Держала две любительские студии при богатых заводах и жила святее папы римского — для положительного примера граду и миру.

Читала запоем, чтобы запойным читателем удался Орик, изучала английский и польский с той же целью, шила и перелицовывала по вырезкам из журналов, ставила сыночка рядом с собой под душ и причесывала ежедневно, чтобы малыш произрастал здоровым и гигиеничным.

В детский садик, в школу, в институт провожала почти за руку. Поставленным голосом распоряжалась, выпуская в ворота или на ступеньку трамвая:

— Держись достойно!

Поляки говорят: що занадто, то не здраво.

На все случаи жизни у матери были веские аргументы, излагались они с актерской верой и убежденностью. Столь же обоснованно и твердо оппонировал им малыш-мальчик-подросток потом юноша Орик.

Для Марты Мартыновны он был самым-самым: умным, талантливым, красивым —

таким человечество обязано... Для себя — Орик тоже стал образцом.

К двадцати годам третьекурсник Орест Кочетов слыл блестящим полемистом, живущим по другой польской поговорке: на то человек жие, жиби добже зъяты. К двадцати двум — имя дипломированного специалиста русского и английского языков замелькало в газетах города под изящными и довольно дерзкими статейками на молодежные темы. А лицо его засветилось на экранах телевизоров. И, несмотря на картавость, Орик был принят ведущим общественных программ с окладом и небольшими гонорарами. Его доморощенная смелость совпала с дозволенной толикой вольнодумства в бесхозной и смятенной стране.

— Мама, это Света, — однажды он привел бледную девушку в джинсах. — Сообрази чего-нибудь поесть.

Для здоровья нужна женщина, решила Марта Мартыновна. И хорошо обихаживала блондинку три недели, ровно до того утра, когда Орик заявил:

— Света остается у меня. Мы женаты. Оформим потом.

В матери проснулся национальный принцип подхода к невестке, хуторянский, и он оттеснил все достижения цивилизации. Немедленно марш к рогачам-ухватам, котлам-казанам, корзинам-верейкам, экономии-бережливости! И Орика — на пьедестал... И, опережая мать его родную, протирать мужа теплой тряпочкой, приветствовать молитвенно, не позволять ему взяться за холодную воду.

Девушка, несмотря на большую отдаленность от родителей и отсутствие средств существования, продержалась чуть более двух месяцев. К тому времени Орик понял, что она — не вариант: провинциальна, малоинициативна в постели и все прочитанные им, уже без матери, классные приемы секса молодайка никак не могла освоить, не та органика. Расстались.

Смуглая семиточка Ида показалась Марте Мартыновне не столь красивой, сколь перспективной. Бушевала мода на Израиль, и девушка намекала на семейный переезд в теплые и авансом обеспеченные края. Вот только оформятся все документы, ну, три месяца... Ради законности пришлось позволить Орику расписаться. И далее: занять комнату побольше, с лоджией, а главное,

согласилась принять на себя приготовление пищи и на «третий рот» и — терпеть. Уже не по польской, а по нашей пословице: овчинка стоит выделки.

Миновало три месяца. Овир затягивал с документами. Закрадывалось сомнение: еврейка ли невестка? Оказалось, наполовину. Отношения с нею у свекрови остывали. Обиняками дознались, что не по матери она семитка, а по отцу — совсем маловероятно перемещение в землю обетованную. А лимит терпения иссяк. И начались инструктирования: это лучше будет приготовить тебе самой, супруга лелеют не так, мало времени проводишь в нужных заведениях, не имеешь связей.

А Орик тем временем осознал, что он еще не отгулял свое, и перспектива свободной страны не стоит амурных ограничений. А тут свобода заварилась у себя, пусть пока вербальная, медийная, из-под полы. Такие грядут открытия на эротическом, сексуальном, порнофронте, что требовалась партнерша погибче и беспардонней правоверной иудейки. Мать изысканным чутьем постигла настроение сына и дала себе волю. За столом и попутно, перед сном и при побудке постоянно рассказывала, как оно следует поступать, что говорить и как это было у нее самой с ее незабвенным и единственным...

Коллизия разрешилась просто. Ида получила визу из Израиля, сказала, что в разведку поедет одна, подготовит квартиру, найдет для Орика газету на русском или английском языке... Пока мать с сыном ворошили свои планы, анализировали, печалились и ликовали, невестка улетела. И ни весточки о себе. Куда удариться за правдой, не знали. Решили — дело закрыто.

Орест тем временем пользовался спросом. В нашем полумиллионном хуторе редкий человек владел четырьмя языками, да еще своим, природным, подвешенным — аккурат для скандалов, был вхож в телевидение и в газеты. В общем, благодетели из-за бугра именно ему выделили офис, дали машину со ставкой шофера и добрую меру горючего на каждый день, много денег на создание журнала — очага демократии и развития. Парень сразу научился львиную долю капитала тратить на обустройство маминой квартирки на среднем этаже: обои, кухня, черная ванная, оргтехника по высшему разряду. Единственное, к чему был холоден, — это к машине: боялся руля и знаков на перекрестках. Зато не боялся гонорары, предназначенные авторам журнала, оставлять себе. В наших краях многие пишущие сдают приличные материалы ради

служения независимости да еще ради популяризации своего имени. О рекламе вообще говорить излишне!

Появилась новая нареченная. Парадокс, среди отчаянных, распустившихся — в прямом и переносном смысле, — в угаре свободы юных горожанок. Орику встретилась восемнадцатилетняя дочь сельского священника. Угловатая, застенчивая, красивая — воистину дива непорочная. Он воспылал: из такой бы сделать оральную партнершу. Это не из тех, что сами подставляются! А Ляля держит и губки и ножки сжатыми, а отец Никодим разведывает, что это за ухажер: и предварительные выводы его весьма нелестны и опасны. Пришлось венчаться.

Как и в прежних двух попытках, Марта Мартыновна начинала благостно. Поднималась затемно, готовила изысканные завтраки, благо, доходы от каких-то траншей, спонсоров, реализации журнала шли через сына в ее инкрустированную кассу у изголовья. Все условия для высокоодаренного ребенка — хоть и не первый, а все же медовый месяц. Гляди, зачнут внука или внучку: и ей на старости забава, и ему в его преклонные годы опора.

А Орик присматривался к Ляле.

— Можно, я поглажу твои волосы? — начинала она словами из сказки.

— Мы сегодня ложимся вместе? — совсем виновато спрашивала уже на пятый, шестой и так далее день.

Красиво, трогательно, да все как в первый раз и под взглядом иконы. Рядом ютилась стебельком под стеночкой, все боялась потревожить «хозяина». Позволяла устраиваться на себе прилично и прислушивалась, замирала, прямо не жила. Только при блике из окна сверкала слезинка в уголке глаза. Скучища!

Приносил муж литературу, в переплете и на фолиантах из Интернета. Индийские и европейские приемы. После двенадцати ночи разыскивал в телепрограммах нечто близкое к эротике, включал в «видике» порнографию. Не читала, отворачивалась, запевала свой деревенский фольк и уходила на кухню. Оттуда, бывало, звучали подражания церковным гимнам. Да-а...

Канитель тянулась год. Пришлось пару раз сходить на Пекарскую, выложить по сотенной. И получить — «ничего на свете нет — лучше, чем

минет». Но ведь возможны диагнозы, да и популярность не позволяла мерцать в неблагоприятных заведениях. Орик почувствовал себя обманутым. Держался, сколько позволяла нестойкая воля. И лишь намеками делился с матерью:

— Не тот вариант. От разных корней мы, и разные садовники нас поливали.

Однажды явился домой в превосходном настроении: получил очередные доллары от какой-то международной организации — на развитие демократии. Естественно, развивать новые отношения в стране доверено было матери. Поужинав, увел Лялю в спальню. Та робко прижалась к нему еще стоя, в одежде, и невинно пролепетала:

— Расскажешь что-нибудь?

Он взбеленился. Чуть ли не с матом переспросил:

— Сказку, что ли?! — И зашипел, не опасаясь ушей матери: — Даже эти твои слова свидетельствуют о том, что нам ничего общего не дано. Люди из одного детского садика не ставят

столь дурацкие вопросы!..

Марта Мартыновна и впрямь слышала все. Сегодня она получила карт-бланш на поедание негодной ее Орику женщины. Веник, скалка, поводок собаки, хозяйственная сумка, пылесос, поливальник, посудомоечная машина, та же стиральная, дверные и телефонные звонки и пр. и пр. — все перешло из рук в руки — от свекрови к невестке. Еще полгода каторги с полным отсутствием молодого супруга дома по вечерам, а иногда и по ночам. Начались у него поиски новые и почему-то все непродуктивные. Одна попадалась грязнуля, другая бездарная, третья замужняя, даже с детьми; четвертая — кандидат наук, красавица-спортсменка и секс-модель — дала от ворот поворот и вышла через сваху за богатого немца; пятой подсунул спецлитературу — принесла на другой день — читать не умела...

Объявил поэтический конкурс «Девичьи строки» в своем журнале. Так приходили горбатенькие, усохшие, затрапезные, убоженькие. Черта в их поэтическом таланте! Только место на страницах тратил, а можно было там разместить рекламу или продать колонки политическим партиям. Не было в городе эдакого соединения: красавица, талант в стихах и гений в постели.

Талант и везенье, да еще «на безрыбье и рак — рыба» засветили Орика в столице. Получил приглашение посетить Киев, месяц спустя — Варшаву. На недельку, а все же не пропадал его польский язык зазря. В колготне командировок и новых знакомств не удалось поискать в иных градах вымечтанную женщину.

И вдруг — предложение сверху: на месяц в Соединенные Штаты Америки.

Душа воспарила, воля заговорила:

— Ляля, расстаемся.

— Так отец же отказался... Куда я?...

— Я договорился. Ты поступаешь в училище, тебе дадут комнату на пару с еще такой же скромницей. К твоей стипендии я два года буду тебе приплачивать две сотни. Хватит на молочишко и трусики. Тем более, что ты их не мараешь...

С большими слезами с одной стороны, терпением и ликованием с двух других сторон — расстались.

Две недели спустя старенький «Боинг»

переправлял через океан дюжину счастливых от молодой журналистики. Больше пишущих со знанием английской страны не наскребла. И больше борцов за демократию стране не оплатили доброты из-за бугра.

В Джорджии нашим разрешили пользоваться Интернетом в муниципальной библиотеке. На второй же день к столу одинокого Ореста подошла женщина его лет, может, на годик старше.

— Хай? Ду ю спик инглиш?

— Кое-как, — нашелся свободный мужчина и сообразительный журналист: — Рад буду попрактиковаться.

Она была русая, невысокая, затянутая в строгий костюмчик под визитку. Лицо так же затянутое тонкой кожей, слегка скуластое, глаза чуть навывкате, серые и озабоченные.

— Вечером как отдыхаешь? — Это она запросто сказала.

— Пока нет предложений.

И смотрел на фигурку — с приличными ножками, с талией девушки. Не красавица, но для разового посещения подходит.

— После работы зайдем ко мне.

Предложение смелое, но, возможно, это так привечают в Америке всех гостей из освобождающихся стран. Чай, разговоры и уроки демократии?...

Жила она, Рейчл Моби, в квартирке «ту рум». То есть, две спальни, разумеется, плюс малый привесок — кухня, холл, гараж.

Не угощала ничем, видимо, посчитала, что чашки кофе и тостика, перехваченного по пути, достаточно. Сразу вкинула в ванную, сама раздела, терла мочалкой, заливала из душа, постепенно забрызгивалась сама и постепенно сняла с себя жакетик, юбку, блузку, лифчик, трусики. Садилась Орику на спину и хохотала, хохотала. Беспардонно вела себя, словно с дикарем, с которым все дозволено и никто не прознает деталей, и суда не сыщешь!

В постели взяла на себя роль мужчины: валила его на спину, закутывала его голову простыней, сквозь хлопок мягко, как не главное, поцеловала в губы, потом почти заглотнула каждый сосок на его подергивающейся груди. Потом

подышала в волосики на лобке, покурчавила их носом и деликатно укусила посиневший от жажды отросток. Даже выкрикнула:

— Какой у тебя пенис!

Было сказочно хорошо. Неужели все женщины Америки таковы? Не потому ли здесь такие широкие улыбки у мужчин и производительность труда недосыгаемая для нашей высокоморальной Украины?

Он вывернулся из-под женщины, нашарил ее лоно, работал-работал, вот-вот высшая точка... Она улучила момент — извернулась, дала ему постонать, поматериться, погоняться за нею по комнате. Потом свалила его на пол и оседлала.

В общем, заснул Орик бездыханным.

Ночью чувствовал параллели вечерних коллизий. В паху горело, нежило, возбуждение превзошло все вероятности. Юношеский страх поллюций! Но они приближались, с его органом творилось сверхъестественное. Он принудил себя открыть глаза. Простыня с ног была сброшена, Рейчл, голенькая и воздушная, сгруппировалась в его ногах и делала сказочный минет. Сонному!

Стократная мечта всякого отечественного мужика — молодого, старого, коммуниста и беспартийного, мечта, которую редкий смеет высказать любовнице, жене... И совсем единственный получает ее...

Назавтра, в полдень, потягивая портер, руководитель программы сказал:

— Орест, воля ваша, только вы должны знать, что Рейчл насильно разведена. В пользу бывшего супруга отсужены трое маленьких деток, мал мала меньше. Она тоже насильно некоторое время держалась в лечебнице. Кажется, обязана платить алименты экс-мужу. Увиливает. Впрочем, вы человек временный, вам ничего не грозит.

Командировка сошлась на одном, на ночах с отвергнутой кем-то женщиной. А дни, занятия, публикации, все такое казалось третьестепенным, отбываловкой, и представления о Соединенных Штатах свелись к актам с Рейчл.

Уезжал он. Она рыдала в аэропорту. Он тоже рыдал бы, но мешало окружение и кое-какой остаточный гонор.

— Я тебе напишу, — сказал он.

— Я тебе позвоню, — ответила она рюмся.

— Я тебя приглашу в гости.

— Я приеду насовсем...

Что говорят люди на прощанье? Разумеется, всегда глупости. Так заведено. Но иногда сбываются самые несуразные обещания.

В случае с Орестом зашло дело далеко.

Он тратил свой крепкий заработок на телефонные разговоры через океан, она звонила чаще. Наконец, вызов. Ожидание.

Марта Мартыновна не могла нахвалиться поведением сына. С креста снятый, не перечит, вкалывает на службе и дома, моется, смазывает куртку салом и все рассказывает про американку Рейчл. Разумеется, кроме отнятых у нее деток и бешенства ее любовных отношений. Бог знает, не удалось парню в Израиль, может, переберется в Америку. А он, не похож на себя, вкалывал, чтобы быстрее истреблялись дни до первого сентября, до ее самолета. Рад был летаргически уснуть на полтора месяца, не есть, вычеркнуть шмат жизни... Все спонсорские деньги и слабые доходы от журнала бросил на перестройку своей квартиры. Деревом обил стены, почти до половины, перехватил у богатеньких множество наворотов к

газпечке, к очистке воды, к электрооснащению, связи — черт знает как во всем таком разобраться маме, совковой женщине! Но гонор возрастал, на соседей посматривала слегка свысока и через левое плечо, с иронией. Червячок иногда сосал Марту Мартыновну: это же когда он оформит документы на выезд! И сколько терпеть такую желанную для него, единственного сыночка, частичку, самую послушную дольку его персоны? А уедет? Кого же окликнешь: надел ли в морозец подштанники, выпил ли снадобье для витаминизации, правильно ли выстроил и отходил журналистов и компьютерщиков в офисе?! И восторг и мучение...

Рейчл прилетела. Бледная с дороги, зятянутая то ли в корсет, то ли в режим питания и молчания. Начался перевод с английского на наш и обратно. И снова гордость: как Орик легко управляется. Застолье Марта Мартыновна сделала самое лучшее, национальное с примесью собственного кулинарного творчества. Уступила большую комнату, комплект постели достала из сундука с приданым — тридцатилетней давности, но то еще!!

На другое утро Орест на работу не пошел. Пусть дитя отдышится, не подохнут сотрудники. На третье — тоже спали молодые до полудня.

В лихую пятницу мать уже вошла будить сына. Про себя ахнула: сигареты по всему паркету, штоф — на боку, покрывало в ногах, простыня сбита, два голых тела сплетены и оба похрапывают. А ведь сын не курил и не храпел прежде!

Для начала вызвала его на кухню и на родном языке высказала претензии: работа есть работа, умный муж жену не балует, следует избегать излишеств.

В офисе Орест появился только в понедельник. Как оправдательный документ привел заокеанскую невесту и принес коньяку и бутербродов с осетриной.

Среди сотрудников выделялась одна, Оля, с которой главный, то есть Орик, пару раз впопыхах переспал. Ей, разумеется, новая пассия шефа не понравилась, и что-то послышалось в уголке о шансах этой классной компьютерши перебежать в конкурирующий журнал. Два мужика постарше рассматривали заокеанскую чудесницу как экземпляр из иного мира не только в плане партнерства, но и чисто антропологически. Остальные жадно выпили на заре рабочего дня.

Главный просмотрел гранки, письма. Рейчл

обязана была сидеть напротив. Впрочем, она ни на что иное не была способна. Тупо глядела на него, казалось, перехватывала его дыхание, на лице ее вырисовывалась мина отдаленного оргазма. Оба гордились друг другом.

Во вторник Орик пришел в офис один, но только к двум часам пополудни.

То же случилось в среду, четверг и пятницу. Он ничего не хотел, только трудиться с нею и отдыхать с нею в защелкнутой изнутри комнате. Человек всего достиг в этой жизни.

На истерзанной кровати она целовала ему руки, голенькая сидела то на его откинутой ляжке, то верхом на простертом на животе пенисе, чуть заметно покачивалась, просила по-младенчески:

— Ты спи. Я никуда не уйду. Я не уеду... Прогонишь, я останусь в городе, буду смотреть на тебя издали, ты и не заметишь... Смотреть на тебя и мастурбировать...

О приготовлении пищи, уборке, чтении, Интернете и не помышляла. Красиво отброшенные на пол ножкой трусики и полуштоф в головах были неизменными аксессуарами миниоргии. Ему, собственно, ничего другого и не нужно было.

Марта Мартыновна заволновалась. В замочную скважину прослышала о планах молодых отказаться от Америки и — глубоко задумалась. Что лучше? Или вырваться ее уникальному дитяти в широкий и свободный мир, или тешить ее старость в этой раздрызганной стране?! И — как он там себя будет вести? То, что с ним происходит в последние дни дома, никак не укладывалось в ее представление о карьере сына. Потихоньку принялась будить в терпимое для молодежи утреннее время. Потом напоминать о походе в офис, хотя бы к двенадцати дня. Из-за двери слышались возражения. С каждым утром все тверже. Потом Орик выходил к матери на кухню и шепотом скандалил.

— Я уже вышел из подтяжек. Как-то держусь на плаву без твоих инструкций.

А держался он все ненадежней. Оля таки ушла. Верный зам, он же водитель дарованной машины, слегка препирался и все забирал руководство журналом на себя. Политические мероприятия, благодаря которым, собственно, и подбрасывались доллары, тоже уходили черт-те куда. В течение медового месяца заработки Орика упали в три раза, а присваивание появлявшихся в

офисе сумм как-то перестало его интересовать.

— Тебя уволят. Пойдешь по миру! — все громче шипела на кухне мать.

Начались открытые скандалы. Сын проявил волю: четыре дня походил на службу с утра, пошерстил штаты свои, в результате чего уволился полусумасшедший журналист, живший на справке с психлечебницы, на котором, оказывается, здорово держалась международная пропаганда. А когда главный снова залег с субботы до четверга в любовное ложе, ушел и зам. Безнадзорную машину угнали. Милиция сразу нашла, но без колес. Постоял лимузин недельку под дождем на колодках — тут доброжелатели сообщили о технике передвижения, совершенно не нужной журналу, куда следует, и Киев забрал машину.

Следующий номер журнала не вышел в срок, собственно, один выпуск был пропущен. Главный даже не сообщил об этом ни инвесторам, ни рекламодателям. И те, и другие отвернулись. Дома Марта Мартыновна прознала биографию потенциальной невестки — устроила общую разборку со всеми надлежащими аргументами. В результате Орик снял крошечную квартирку и съехал из дому. Слез было — река и маленькое озерцо. Но тихий рай с милой отгородил Орика от

матери.

— Боже, — жаловалась женщина подругам. — Он же влип! Она же не может больше рожать, из одних болячек склеена... Что с ним будет в старости?! У меня есть он, хоть такой, а у него? Некому будет воды подать больному!.. И ради кого? Трое детей за океаном, а она даже не позвонит, не справится!..

По телефону Марта Мартыновна еще пыталась руководить, бороться, но это уже было эхо проигранной войны. Молодые то отключали мобильный, а то спали после трудов любви и не дотягивались до трубки.

Журнал закрыли. Деньги перестали поступать. Мать узнавала обо всем первой. Пришлось верстать «продуктовые корзины» и передавать через знакомых. Со временем сын сам стал забегать в родную квартиру. Хватал приготовленную передачу, Марта Мартыновна с копыта начинала свою проповедь, но Орик врал, что его срочно ждут в политической партии, куда он нанялся творить имидж.

— Которая из партий?

— А какая разница?

И убегал, прихватив снесь.

Месяца полтора спустя, вернувшись от идеологов, с которыми недавно враждовал, а нынче и впрямь просился в упряжку к ним, Орик застал на столе первое, приготовленное Рейчл, блюдо. Купленные на углу, с пыльного тротуара, коржи, в них завернуто полусырое мясо, полупорубленные овощи, вообще — что бог бросил на пути выскочившей с постели на улицу женщины. Ел любимый с аппетитом и благодарностью: это она приготовила, и для него! Называется — буритти.

По городу пошли широкие слухи о странном явлении: американка вдруг переехала жить в задрпанную нашу провинцию из-за любви! Пища для сплетен богатая. Но нашлись и сочувствующие. Через Ореста предложили ей работу учителя английского на крупном предприятии и с хорошей оплатой.

Она долго сидела в трепаной рубашке любимого, голенькой попой на голеньких промежностях его, плакала: как я буду без тебя?...

— Но ведь всего четыре часа после полудня.

— Я не могу четырех минут...

И все же обстоятельства сильнее страсти.

Но только на четыре часа. И для него. Он же сползал с постели только в ее отсутствие, выходил на два-три часа, искал ближайший штаб первой попавшейся партии и предлагал свой короткий, но яркий опыт полемиста за первую предложенную сумму.

— Вы же печатно разносили наши идеи в пух и прах!..

— Раскаявшийся грешник дорогого стоит.

— Вы же сотрудничали с прежними властями!..

— А где эти власти? С кем сотрудничать?

— Вы и от нас уйдете с переменной погодой!..

— К тому времени вы уже получите от меня дюжину классных пасквилей.

— Вы не покидаете альков двадцать четыре часа в сутки, откуда свежий материал?...

— Надо уметь забавляться Интернетом.

— Ваш цинизм сбивает с ног!

— Правда, одна только правда, ничего, кроме правды.

Если давали заказ сию минуту, он бежал домой и быстро-быстро шарил по сайтам,

воспаленным вниманием сразу набирая материал, ловко нанизывая чужие мысли на чужую задумку. Обрывал статью аккуратно тем абзацем, на котором его заставлял скрип ключа Рейчл в двери.

Если с заказом медлили, он тут же уходил. Топал по не своей комнате из угла в угол, переступал через смятую у дивана сорочку, футболил забытую среди коврика пробку, удивлялся, как его журнальный столик оказался вверх ножками на холодильнике, и не трогал его. Места ему не находилось, ни одна мысль не складывалась в голове. Для полноценной жизни чего-то не хватало. Ее рук на животе, ее жалкого русского мата, с которого началось изучение нового для нее языка, поминутного касания ладошкой к кошонке и неожиданного предложения прямо за обеденным столом:

— Расстегнись, перед приемом пищи, пока у меня чистые губы, я поцелую головку твоего пениса.

Рейчл вбегала, словно после марафона. Он бросался навстречу, поднимал ее на руки и волок в ванную. Случайные власти воду пускали не всегда горячую, любовники падали в битое корыто, названное модно — джакузи, не всегда успев

сбросить последнюю одежонку. Вставляли прямо в воде, чтобы успеть. Чтобы не терять драгоценного времени. Жизнь-то уходит.

...Тут, по законам самых допотопных индийских фильмов, страдающий персонаж попадает под случайную машину. Марта Мартыновна оказалась в «скорой помощи» с переломом правой лодыжки. Порядочный водитель кинул сумму на лечение. Но ведь нужны посетители, душевная подкормка.

Первый день никого не было. Потом пришли «дети». Рейчл постояла в дверях вонючей палаты на восемь человек, койка к койке. Орик вывалил на тумбочку мандарины, бутерброды и «спрайт», забыв отвинтить крышку.

Уселся, дождавшись, когда освободится единственный стул для посетителей. И молчал. Говорить было не о чем. Мама все сказала в течение почти тридцати лет упорного, ежесекундного воспитания будущего человека высшей пробы. Теперь остались только упреки и жалобы, которые ей казались неуместными перед сестрами по несчастью — сыном должно гордиться. А он... Он сухо спрашивал и записывал, что надо в аптеках, кому дать на лапу, что бы ей хотелось

поесть?

В душевной палате витало: женщина уже отыграла в житейской драме под античным названием «Орестея». Была у нее эпизодическая роль, в экспозиции, для затравки. Теперь вышла на сцену главная героиня, странная, свихнутая, но весь лучший текст и лучшие мизансцены — у нее. Она теперешняя, из пьес абсурда. Старой актрисе больше не появляться из-за кулис.

...Минуло шесть лет. Первые три-пять Марта Мартыновна еще надеялась, что спектакль без ее участия скоро закончится. Не может же благополучная по нашим ущербным представлениям американка жить в глухой украинской провинции, в снятой квартирке, питаться одними буритами, работать на нашу едва-едва зарплату!.. А Орик, привыкший к маминой опеке: когда-то обстиран, накормлен обильно и разнообразно, расспрошен о всех тонкостях его жизни... без офиса, без журнала и окружения зависимых людей... бегать по мелким газетенкам и кланяться: киньте-ка что-нибудь борзописцу!..

Она продолжала крупно заготавливать овощи-фрукты на зиму, копить копейку. Звонила

ему, стараясь попасть в минуты, когда Рейчл не было дома, приглашала на обед. Нечасто он приходил — исхудавший, с догоняющим взглядом голодного. Застолья всегда кончались скандалом.

— Сын, ты попал в беду. Она же не хозяйка, грязнуля!..

— Мама, я зашел только потому, что ты просила...

— А у самого уже атрофировалось сыновье чувство?!

— Мама, я спешу...

— Она же детей бросила... она тебе не родит... Кто тебе стакан воды подаст в старости?!

— Мама, я пошел.

— Ты хоть не оформляй с ней супружество!

— Уже!

И, дожевывая на ходу, Орик сбегал с этажа.

В последний год Марта Мартыновна махнула рукой. Много было своего: хромота, выход на пенсию, хворающие — и сама она, и ее собака, единственный собеседник и послушник.

А на другом конце города — мелкие приработки, непомерная плата за жилье, унижения перед политтехнологами, перебежки из партии в партию, полное исчезновение достоинства и

профессионализма.

Но видно, счастье не в этом...

Счастье — это обретение партнера, с коим воплощаешь свое предназначение.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ

В Ялте хорошая набережная и никудышный песок, потому — сплошь лежаки. На одном из них румяным предвечерьем как-то вдруг истерически зарыдала юная женщина. Откидывалась на спину, — с твердых грудок сполз лифчик, — сжимала в красивых кулачках комки пористого, похожего на тертый шлак, песка, прикладывала грязные ладони к глазам. Кликушество покорило и двух благообразных дам справа, и молодую пару у изножья, — эти даже поспешно отошли к парапету, — и картежников у изголовья. Плачущей никто не уделил внимания: скользкий взгляд, кислая мина, глухой мат.

Величко издали присмотрелся к молодой женщине: ровный загар, свободно ниспадающие латунного цвета густые-густые волосы, короткий носик, не успевший распухнуть от слез. разглядел плоский живот, хорошей лепки ноги — слабость молодежого подстарка. Он втянул свое слегка запущенное брюшко, вспомнил, что недавно побрился и выдержал массаж с нагрузкой, opravил

свой изысканный пляжный наряд, — кепочку с помпоном и шорты в обтяжку, — переступил три лежака с пляжниками и присел у очаровательной плаксы.

— Я могу вам помочь? — начал с обычного, затем деликатно отнял дрожащие кулачки от покрасневших, в серых подтеках щек.

— Нет! Нет и нет! — слабо вскрикнула молодая женщина куда-то вдаль, мимо него, за голубой залив.

Величко нарочито вполголоса и нейтрально заговорил:

— И что может помешать отдыху в Ялте? Тем более такой славной девушке?

— Может... — Съежившись и вздрагивая, сквозь надрывный плач говорила незнакомка: — А помочь уже не может. Послезавтра утром я уезжаю. Домой, в Дикую степь... в Гнилую кужель. К четырнадцати третьеклассникам, к глухой хозяйке, к тощему борщу, к пьяному перегару и масляным лапам механизаторов. — Она подняла белую, с глубоким вырезом кофтенку, растянула в пальцах: — Смотрите, чистая, ни соринки. А в Кужели — всегда след пятерни, здесь, на грудках! Стираешь, стираешь, а придешь к клубу — сразу, походя, не один так другой, женатики, подростки лапают и ржут... Красный диплом, гигиена, английский никому не нужны. — Она швырнула кофточку на